

УДК 94(437.6)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/16

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РУСИНОВ В СЛОВАКИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (20–30-е гг. XX в.)*

Б. Шпроха¹, П. Тышляр², М. Шмигель³

¹ИНФОСТАТ – Исследовательский демографический центр,
Центр социальных и психологических наук Словацкой академии наук
Словакия, 81104, г. Братислава, ул. Лешкова, 16
Словакия, 81105, г. Братислава, ул. Шанцова, 56

E-mail: sprocha@infostat.sk

²Университет Коменского

Словакия, 81102, г. Братислава, ул. Гондова, 2

E-mail: pavol.tisliar@uniba.sk

³Университет Матейя Бела

Словакия, 94701, г. Банска-Быстрица, ул. Таёвского, 40

E-mail: michal.smigel@umb.sk

Авторское резюме

Словакия до Второй мировой войны представляла собой этнически неоднородное пространство. Его составной частью несколько столетий была довольно большая этническая группа русинов. Речь идет не об автохтонном населении, а о миграционном этническом элементе, который переселился в область Восточной и Северо-Восточной Словакии главным образом во время так называемой валашской колонизации. В основном различные социально-экономические условия в сочетании с конкретными культурными и отчасти религиозными традициями нашли свое отражение во многих аспектах, не исключая репродуктивного поведения. Именно демографическая репродукция в период между двумя мировыми войнами претерпевала в Словакии исторически уникальные изменения в рамках демографического перехода. Некоторые показатели указывают на то, что культурный ареал русинов представлял собой территорию, где эти революционные изменения про-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта APVV-0199-12 «Исторический атлас населения Словакии (XVIII – 1-я пол. XX в.)»..

исходили со значительной задержкой. Цель статьи – на основе доступных данных охарактеризовать русинское население в Словакии в межвоенный период и проанализировать характер репродуктивного поведения представителей русинской национальности.

Ключевые слова: русины, Словакия, межвоенный период, демографическая репродукция, демографические процессы, структура населения, демографический переход.

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUTHENIANS (RUSYNS) IN SLOVAKIA IN THE INTERWAR YEARS (1920–1930)*

B. Šprocha¹, P. Tišliar², M. Šmigel³

¹INFOSTAT – Demographic Research Centre
16 Leškova Street, Bratislava, 81104, Slovakia
E-mail: sprocha@infostat.sk

²Comenius University
2 Gondova Street, Bratislava, 81102, Slovakia
E-mail: pavol.tisliar@uniba.sk

³Matej Bel University
40 Tajovskeho Street, Banska Bystrica, 94701, Slovakia
E-mail: michal.smigel@umb.sk

Abstract

Before the Second World War Slovakia was ethnically heterogeneous. For several centuries it included a relatively numerous ethnic group of Ruthenians (Rusyns) as its integral part. However, it was not an autochthonous, but a migration population, which came to Eastern and North-Eastern Slovakia mainly during the so-called Wallachian colonisation. Different social and economic conditions together with certain cultural and partly religious traditions affected many aspects, including reproduction behavior patterns. It was demographic reproduction in Slovakia between two world wars that underwent historically unique changes within demographic transition in Slovakia. There are some indications that these revolutionary changes started with a big delay in the cultural milieu of Ruthenians. The paper aims at describing the Ruthenian population

* The paper was supported by Grant APVV-0199-12 “Historical Atlas of the Slovak population (the 18th – first half of the 20th centuries)”.

in Slovakia in the interwar years on the basis of available information and analysing the character of Ruthenian reproduction behavior.

Keywords: Ruthenians, Rusyns, Rusins, Slovakia, interwar years, demographic reproduction, demographic processes, population structure, demographic transition.

Этнический состав населения Словакии после Первой мировой войны сформировался в результате длительного исторического развития и расселения (Tišliar 2015b: 51). Его важной составной частью, особенно на востоке и северо-востоке страны, была этническая группа русинов. Древняя история русинов в Словакии расплывчата (Botík 2007: 113) и во многих случаях не выходит за рамки научных гипотез. Древнейшими следами присутствия русинов в Словакии считаются названия нескольких деревень XI и XII вв. С последующим русинским переселением, однако, не удалось доказать какую-либо связь.

Таким образом, начало непрерывного переселения русинов в Словакию можно рассматривать только в связи с волной валашской колонизации, которая проходила примерно с 30-х гг. XIV в. и достигла кульминации в XV–XVI вв. Первоначально превосходство было за переселенцами из Валахии, но вскоре оно перешло к русинскому населению из-за Восточных Карпат. В течение XIV–XVII вв. в Северо-Восточной Словакии – вдоль современной границы с Польшей и Украиной – образовалась целая область с относительно компактными русинскими поселениями (Varsík 1984: 152; Marek 2006: 232; Botík 2007: 113). С некоторыми незначительными изменениями она просуществовала до создания независимой Чехословакии в 1918 г. (Orosová 2013: 20; Ulašínová 2014: 50).

При рассмотрении демографического развития в межвоенный период русинского населения, проживавшего на территории современной Словакии, важно отметить значительные изменения в репродуктивном поведении населения, которые начали ярко проявляться в конце XIX – начале XX в. Они характеризовались общим снижением рождаемости, которая зависела от изменения демографического климата, а также от снижения смертности населения Словакии в результате улучшения питания и доступности медицинской помощи. Это был не изолированный процесс (Vereš 1983, 1986; Šprocha, Tišliar 2008 a, b, 2014 a). Изменения демографического режима (известен и как демографический переход) в Западной и Северной Европе происходили с конца XVIII – начала XIX в. и постепенно стали проявляться в Центральной и Восточной Европе. Эти изменения не проявлялись у всего населения Словакии одновременно. Снижение рождаемости в Словакии имело значительную региональную, социально-экономическую, общественную и этническую обусловленность. Большинство

авторов указывают при этом на важное влияние именно этнического фактора и религиозности населения (Livi-Bacci 1986; Derosas, Poppel 2006; Vobecká 2013; Šprocha, Tišliar 2014 b; Hubert 2015).

Цель авторов статьи - характеристика населения русинской национальности, жившего в Словакии в межвоенный период, с помощью данных переписей 1919, 1921 и 1930-х гг. в контексте демографического развития этого государства. Основной задачей исследования является характеристика репродуктивного поведения русинского населения Словакии и демографических процессов.

Количество русинов и их пространственное размещение в Словакии

Оценка развития количественных показателей и процентного соотношения русинского населения в Словакии очень сложна ввиду терминологической неоднозначности при определении понятия *русин*. Основная проблема была связана с частым отождествлением русинов и русских еще в XIX в. (в венгерском языке эта национальность определялась и как *Ruthén*, и как *Orosz*). Это также происходило и в межвоенный период, что в определенной степени могло повлиять на полученные результаты. Речь шла в значительной степени о населении, которое в первой послевоенной переписи 1919 г. указывало свою национальность как русинскую (Tišliar 2007: 76). Изменение количественных показателей и процентного соотношения русинов на территории Словакии в 1880–1930 гг. представлено в табл. 1.

Таблица 1

Количество русинов в Словакии в 1880–1930 гг.
по данным переписей населения

Год	Население Словакии, чел.	Количество русинов*	Процент русинов
1880	2 455 928	78 941	3,2
1890	2 587 485	87 787	3,4
1900	2 792 569	84 906	3,0
1910	2 926 833	97 014	3,3
1921	2 955 998	85 628	2,9
1919	2 923 214	81 332	2,8
1930	3 254 189	91 079	2,8

* Данные за 1880–1919 гг. – проживавшее в то время население, за 1921–1940 гг. – только чехословацкие (словацкие) граждане; в 1921 и 1930 гг. – великорусская, украинская и карпаторусская (русинская) национальности вместе.

Население русинской национальности проживало, по результатам межвоенной переписи, в основном в восточных и северо-восточных районах Словакии, особенно на границе с Польшей и Украиной. С региональной точки зрения, речь шла главным образом о районах Медзилаборце, Снина, Свидник и Верхний Стропков, где представителей этой национальности было более 50 %. Кроме Северо-Восточной Словакии, большое количество русинов проживало также в Северном Спише и Шарише (рис. 1). Это были регионы с низкой концентрацией населения, где люди жили в небольших сельских населенных пунктах и были заняты в основном в сельском хозяйстве. Для этой области уже в последней трети XIX в. стало характерным сильное аграрное перенаселение, что привело к эмиграции в поисках работы (Kmet 2014: 71; Tišliar 2014: 56–57).

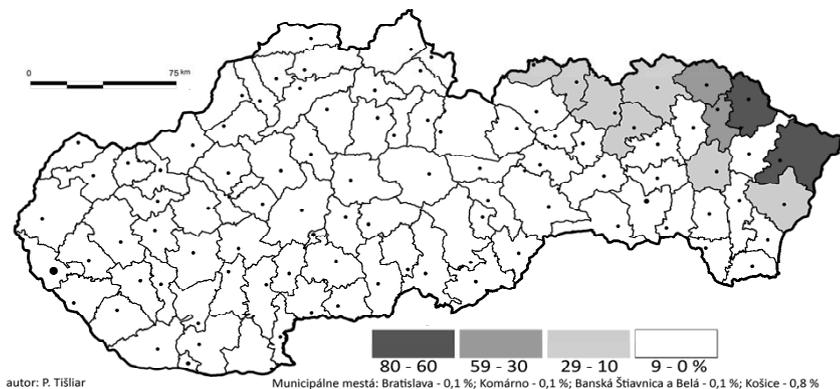


Рис. 1. Соотношение русинов в районах Словакии в 1921 г.

Демографические процессы среди русинского населения в Словакии в межвоенный период

Брачность. Супружеская жизнь играла очень важную роль в репродуктивности всего населения Словакии в межвоенный период, так как общество считало именно брак законным способом для реализации репродуктивных намерений. Практика ранних браков способствовала тому, что женщина имела наибольшие шансы забеременеть, поскольку внебрачных детей в Словакии традиционно рождалось очень мало. С точки зрения общей репродуктивности, важным было и соотношение длительно одиноких женщин, которые в основном оставались бездетными. Словакия принадлежала, согласно Гайналовой классификации (Hajnal 1953, 1965, 1982), к народам с так называемым неевропейским поведением в браке. Типичными

для него были ранний возраст вступления в первый брак и высокое соотношение мужчин и особенно женщин, которые вступили в брак (Livi-Bacci 1999: 102–103; Rothenbacher 2012: 83). В период послевоенного значительного роста количества бракосочетаний, по данным переписи населения 1921 г. (Šprocha, Tišliar 2008a: 17), насчитывалось менее 5 % длительно одиноких мужчин и женщин в конце репродуктивного возраста (45–49 лет). На раннее начало супружеской жизни косвенно указывает процент одиноких мужчин в возрасте 25–29 лет, из которых почти 60 % по меньшей мере один раз вступали в брак, а также женщин в возрасте 20–24 лет, среди которых более половины на момент проведения переписи были в браке по крайней мере однажды.

На ранний брак, особенно среди женщин, указывает среднее количество лет, которые человек прожил до конца репродуктивного возраста (50 лет) в качестве свободного (т. е. SMAM – *Singulate Mean Age at Marriage*). В Словакии в межвоенный период среди мужчин оно было на уровне почти 27 лет, а у женщин достигало 23,5–24 лет. Однако у русинов в Словакии возраст бракосочетания был наиболее низким среди всех этнических групп. Среднее количество лет, которые человек русинской национальности проживал до конца репродуктивного возраста в качестве свободного, у мужчин составляло 24,6–25,6, а у женщин – только 21,2–22,2 года (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение одиноких людей в отдельных возрастных группах и количество лет, которые проживает одинокая особа до 50 лет (SMAM), согласно национальному распределению в Словакии (переписи населения 1921 и 1930 гг.)

Год	Возраст и SMAM	Национальность					Словакия в целом
		русинская	чехословацкая	венгерская	немецкая	еврейская	
<i>Мужчины</i>							
1921	25–29	23,5	37,8	38	46,7	67,7	39,0
	45–49	2,0	3,8	5,7	8,9	5,3	4,6
	SMAM	24,6	26,6	26,2	28,1	30,4	26,9
1930	25–29	24,6	33,4	36,5	48,2	67,3	35,3
	45–49	6,6	5,0	5,5	8,0	7,2	5,4
	SMAM	25,6	26,4	26,4	28,1	30,1	26,8
<i>Женщины</i>							
1921	20–24	38,0	50,0	48,8	66,0	76,9	47,1
	45–49	3,7	6,1	5,8	11,1	5,7	4,8
	SMAM	21,2	23,3	23,1	24,6	26,4	23,5
1930	20–24	26,5	46,1	46,1	59,3	75,5	50,9
	45–49	3,4	4,4	4,8	8,5	4,3	6,3
	SMAM	22,2	23,6	23,4	25,2	26,9	24,0

Примечание. Подсчитано и составлено авторами.

Смертность. Словакию в межвоенный период характеризовал очень неблагоприятный показатель смертности по сравнению с населением Северной и Западной Европы. Это подтверждается в первую очередь средней продолжительностью жизни, которая у обоих полов была меньше, чем в демографически развитой Европе, на 12–14 лет. В начале 1930-х гг. в Словакии новорожденные мальчики должны были прожить только 50 лет, а девочки – около 52,4 года. Различия в интенсивности показателя смертности существовали также и внутри Словакии. Области с более высоким представительством русинов были при этом среди регионов с худшими показателями смертности (Šprocha, Tišliar 2008b: 26). Мужчины, идентифицировавшие себя как русины, отставали от общесловацкого показателя приблизительно на два года, а женщины – на три (табл. 3). Одной из главных причин такой ситуации была высокая смертность русинских детей в возрасте до одного года. Из 1 тыс. детей, рожденных от женщин русинской национальности в начале 1930-х гг., до первого года жизни не дожили около 190, в то время как в среднем по всей Словакии в этот период – 160 детей. Для иллюстрации очень неблагоприятной ситуации стоит добавить, что в ряде стран Северной (Швеция, Норвегия) и Западной (Швейцария, Нидерланды) Европы детская смертность в начале 1930-х гг. была уже на уровне 50 ‰; таким образом, ситуация там была значительно благоприятнее (по сравнению с детской смертностью у русинов).

Таблица 3

Характеристики смертности мужчин и женщин в начале 30-х гг. XX в. в Словакии (по национальности)

Показатель	Национальность					Словакия
	русинская	чехословацкая	венгерская	немецкая	еврейская	
Средняя продолжительность жизни мужчин при рождении, лет	48,1	49,3	49,1	50,0	58,3	50,0
Средняя продолжительность жизни женщин при рождении, лет	49,3	52,1	50,8	52,6	61,4	52,4
Младенческая смертность, ‰	190	167	169	144	96	162

Примечание. Подсчитано и составлено авторами.

Рождаемость и фертильность. Население Словакии после Первой мировой войны принадлежало в общеевропейском контексте к наро-

дам с самым высоким уровнем рождаемости (Šprocha, Tišliar 2008a: 39; 2015: 651). Некоторые данные, однако, показали, что в течение примерно двух десятилетий произошла трансформация этого процесса, что привело не только к снижению рождаемости, но и к изменению ее общего характера (Vereš 1983; Fialová 1990, 1991; Šídlo, Šprocha 2015; Tišliar 2015a). Русины в межвоенной Словакии имели самые высокие показатели рождаемости среди всех этнических групп. Это подтверждают так называемые индексы Коула (табл. 4) (Coale 1973: 53–72). У русинов значение суммарного коэффициента рождаемости приближалось к уровню 5 новорожденных, в то время как в среднем по всей Словакии оно составляло около 3,7.

Таблица 4

**Индексы Коула* для отдельных национальностей в Словакии
в начале 30-х гг. XX в.**

Индекс Коула	Национальность					Словакия
	русин- ская	чехосло- вацкая	немец- кая	венгер- ская	еврей- ская	
Индекс рождаемо- сти в браке	0,53	0,46	0,38	0,42	0,28	0,45
Индекс общей ро- ждаемости	0,39	0,30	0,22	0,28	0,15	0,29
Индекс внебрачной рождаемости	0,08	0,06	0,04	0,06	0,02	0,06
Индекс количества замужних женщин	0,69	0,61	0,53	0,61	0,48	0,60

* Индексы Коула основаны на косвенной стандартизации, когда за стандарт чаще всего принимают коэффициенты рождаемости гуттеритов, религиозной общины из Северной Дакоты, которая решительно выступает против какого-либо ограничения рождаемости. Полученные показатели, если они опускаются при брачной рождаемости ниже 0,50, указывают на осознанную регуляцию рождаемости населения.

Более высокий уровень рождаемости у русинских женщин также нашел свое отражение в среднем количестве новорожденных. У замужней женщины русинской национальности по окончании ее репродуктивного возраста (45–59 лет) он составлял около 6 детей, в то время как в среднем по стране было на одного ребенка меньше. Как показано на рис. 2, различия в уровне рождаемости, высоком у русинок по сравнению с женщинами других национальностей, появлялись уже в молодом возрасте. Низким было и количество бездетных русинок, которые в возрасте 20–24 года составляли лишь около

25 % женщин, в то время как, например, у женщин чешской национальности оно было по-прежнему почти на уровне 40 %, а у женщин еврейской национальности – около 50 %. Именно здесь проявлялось следствие более раннего вступления русинок в брак.

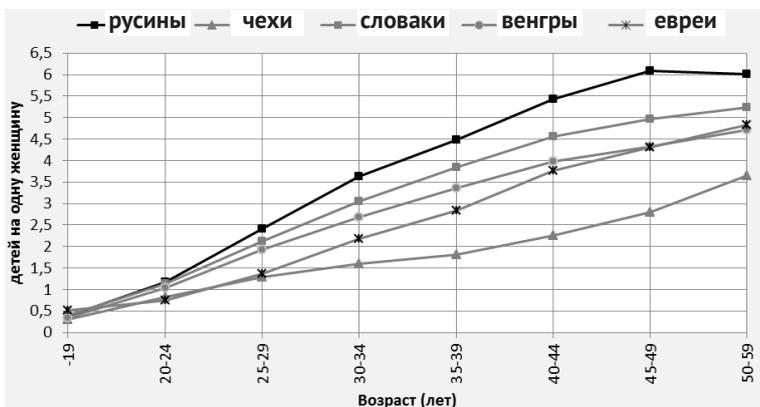


Рис. 2. Среднее количество детей на одну женщину согласно национальности в Словакии по данным переписи населения 1930 г.

Возрастная структура населения. Высокая рождаемость при постепенном снижении показателей смертности четко проявилась в возрастной структуре населения.

Словакия в межвоенный период принадлежала к европейским народам с молодой возрастной структурой. Это подтверждается множеством данных, полученных в ходе переписей населения. Позднее осознанное ограничение рождаемости в сочетании с высокой смертностью способствовали тому, что доля детей, несмотря на неблагоприятные события Первой мировой войны, составляла почти треть. Количество лиц старше 60 лет не достигало и одной десятой. Средний возраст населения Словакии в межвоенный период составлял 28–29 лет (Šprocha, Tišliar 2012: 63).

Русинская этническая группа принадлежала к самым молодым этносам Словакии. Количество детей до 15 лет, согласно обеим межвоенным переписям, превышало 35 %, в то время как доля людей в возрасте 60 лет и старше составляла всего 8–9 %. В период между переписями 1921 и 1930 гг. даже наблюдалось небольшое увеличение доли лиц детского возраста, что нашло отражение в снижении числа среднего возраста. Средний возраст русинов в Словакии в начале 20-х гг. составлял 26,5 года, а в начале 30-х – 25,4 года. В то же время средний возраст жителей Словакии за аналогичный период незначительно увеличился – с 27,9 до 28,1 года (табл. 5).

Таблица 5

Отдельные характеристики возрастной структуры этнических групп Словакии
(переписи 1921 и 1930 гг.)

Показатель	Национальность					Словакия
	русинская	чехословацкая	венгерская	немецкая	еврейская	
1921						
Количество людей в возрасте от 0–14 лет, %	35,4	33,2	32,1	28,3	29,6	32,7
Количество людей в возрасте 15–59 лет, %	56,5	58,3	58,4	62,2	60,4	59,5
Количество людей в возрасте 60 лет и старше, %	8,1	8,5	9,5	9,5	10,0	8,7
Средний возраст, лет	26,5	27,6	28,7	29,2	29,4	27,9
Индекс старения (на 100 чел.)	22,8	25,4	29,5	33,4	33,8	26,7
1930						
Количество людей в возрасте 0–14 лет, %	38,5	33,0	28,6	25,0	24,9	31,9
Количество людей в возрасте 15–59 лет, %	52,7	58,0	60,6	65,0	64,1	59,5
Количество людей в возрасте 60 лет и старше, %	8,8	9,0	10,8	10,0	10,9	9,4
Средний возраст, лет	25,4	27,5	29,9	30,1	30,9	28,1
Индекс старения (на 100 чел.)	22,9	27,2	37,6	39,9	43,9	29,5

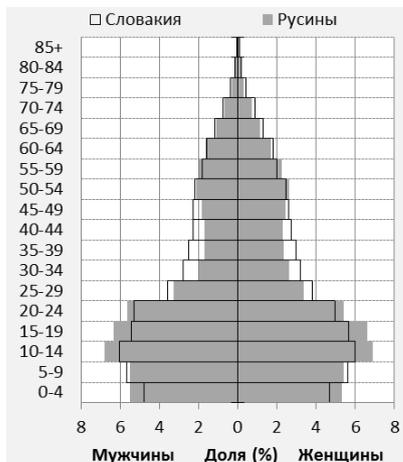


Рис. 3. Возрастная структура людей русинской национальности и население Словакии в 1921 г.

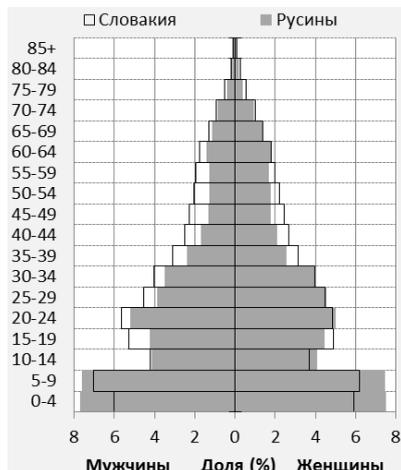


Рис. 4. Возрастная структура людей русинской национальности и население Словакии в 1930 г.

Детальнее можно увидеть индивидуальные различия в возрастной структуре населения русинской национальности и всего населения Словакии с помощью следующих двух возрастных пирамид (рис. 3, 4). В них явно видны больший процент детей (более широкая основа) и меньшее количество лиц репродуктивного, продуктивного и пострепродуктивного возраста. Что касается людей продуктивного возраста, то дело не только в последствиях высоких коэффициентов смертности, которые мы отметили у русинов. Это в значительной степени является результатом более частой миграции (следовательно, русинов тоже) из Восточной и Северо-Восточной Словакии на работу за границу.

Русины в Словакии после Второй мировой войны

Послевоенные годы характеризовались резким сокращением населения Словакии, которое ранее определялось как русины. Это стало четко видно уже в ходе переписи 1950 г. Несмотря на то что в первые послевоенные годы насчитывалось от 100 до 120 тыс. русинов, результаты переписи очень удивили – принадлежность к русинской национальности указали только 48 231 чел. По сравнению с 1930 г. уменьшение составило почти 50 % (табл. 6). Это привело к пересмотру данных об этнической принадлежности в листах переписи в общей сложности в 295 селах 7 районов Северо-Восточной Словакии. «Ревизия» тем не менее только подтвердила, что численность русинов в этих селах снизилась на 45,1 %, а количество словаков возросло на 65,6 % (Konečný 2010: 77).

Количество русинов в Словакии в 1930–2011 гг.
по данным переписей населения

Год	Население Словакии	Количество*, чел.		Процент русинов и украинцев вместе
		русинов	украинцев	
1930	3 254 189	91 079		2,8
1950	3 442 317	48 231		1,4
1961	4 174 046	35 435		0,85
1970	4 537 290	42 238		0,93
1980	4 991 168	39 260		0,78
1991	5 274 335	17 197	13 281	0,58
2001	5 379 455	24 201	10 814	0,65
2011	5 397 036	33 482	7 430	0,76

* В 1930 г. – великорусская, украинская и карпаторусская (русинская) национальности. В период с 1950 по 1980 г. – украинская и русинская национальности вместе. В период с 1991 по 2011 г. – русинская и украинская национальности отдельно.

Несомненно, что на значительное сокращение количества русинов в 1950 г. повлияло несколько причин: прежде всего всеобщая послевоенная истерия по поводу меньшинств, политика чехословацкого правительства, направленная против них, и усилия по созданию этнически однородного государства чехов и словаков (Syrný 2010: 188), а также сложные (критические) послевоенные социально-экономические условия на северо-востоке Словакии, запугивание переселением в Советский Союз всех словацких русинов (как это произошло на юго-востоке соседней Польши) и др. Но, по-видимому, решающую роль снова сыграли миграционные процессы.

В 1945–1950 гг. на чешское пограничье (полупустое после изгнания немцев) переселились около 20 тыс. русинов (Konečný 2010: 77). В рамках чехословацко-советского обмена населением (в связи с передачей Подкарпатской Руси и переселением (репатриацией) на чешские земли так называемых волынских чехов) в пользу СССР в 1947 г. было переселено на территорию Западной Украины, на Волинь, 12 тыс. русинов с северо-востока Словакии (в целом из ЧСР – 12,4 тыс. чел.) (Šmigel', Kruško 2011: 156). С 1945 г. часть русинов покидала свой регион проживания в процессе внутренней колонизации южных районов Словакии (на свободные от выселенных венгров земли). А с 1948 г. многие представители меньшинства (особенно молодое поколение) мигрировали в рамках организованного набора рабочей силы, что лишь ускорило их ассимиляцию (Šprocha et al. 2014: 39).

На снижение численности русинского населения оказал влияние процесс их так называемой украинизации (украинизации образова-

ния, общественных организаций и культурных учреждений; попытки уничтожения греко-католической церкви и установление православия) в конце 40-х и в 50-е гг. Этот процесс не восприняло большинство русинов, поэтому они охотнее записывались словаками. Часть меньшинства во второй половине XX в. начала идентифицировать себя с украинцами. Такая ситуация сохраняется и по сей день, хотя в течение последних двух десятилетий (1991–2011) численность украинцев в Словакии сокращается, а русинов, несмотря на прогрессирующую ассимиляцию и непрерывную экономическую миграцию, увеличивается (см. табл. 6).

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Русинское население в Словакии представляло собой в межвоенный период специфическую этническую группу, концентрировавшуюся в основном в слабо развитом пограничном регионе Восточной и Северо-Восточной Словакии. С точки зрения локальной структуры расселения, русинское население проживало в основном в небольших поселениях, зависевших главным образом от сырьевого сектора. Высокое аграрное перенаселение сельской местности привело в конце XIX – первого десятилетия XX в. к массовой миграции.

С точки зрения репродуктивного поведения, русинское население характеризовалось неблагоприятными показателями смертности и, следовательно, более короткой продолжительностью жизни обоих полов. Оказалось, что очень важную роль в этом отставании сыграли высокие показатели детской, а также младенческой смертности. Существенным фактором репродуктивности являлась брачность, поскольку количество внебрачных детей в тот период было низким. С точки зрения брачного поведения, в то время у русинов (в отличие от других этнических групп) наблюдалась тенденция вступать в брак в молодом и очень молодом возрасте. В то же время брак был почти универсальным событием, и вступало в него, по крайней мере один раз, большинство русинов (более 95 % мужчин и 90 % женщин). Интенсивность и характер рождаемости у русинских женщин свидетельствуют о том, что среди русинов трансформация репродуктивного поведения стала происходить с некоторой задержкой во времени по сравнению с другими этническими группами межвоенной Словакии. Наиболее существенно русины отставали от представителей чешской и еврейской национальностей. Хотя эти этносы в 30-е гг. постепенно завершали демографический переход, в отношении русинской национальности можно говорить только о начале этого процесса трансформации в межвоенный период. Он продолжался и в послевоенное время, характеризовавшееся миграцией, украинизацией и ассимиляцией меньшинства.

ЛИТЕРАТУРА

Botík 2007 - *Botík J.* Etnická história Slovenska. K problematike etnicity, etnickej identity, multietnického Slovenska a zahraničných Slovákov. Bratislava: Lúč, 2007. 231 s.

Coale 1973 - *Coale A.* The demographic transition // International Population Conference. Liège. Vol. 1, IUSSP, Liège. P. 53–72.

Derosas, Poppel 2006 - Religion and the Decline of Fertility in the Western World / Eds. R. Derosas, F. van Poppel. Dordrecht: Springer, 2006. 319 p.

Fialová 1990 - *Fialová L., Pavlík Z., Vereš P.* Fertility Decline in Czechoslovakia During the Last Two Centuries // Population Studies. 1990. Vol. 44 (1). P. 89–106.

Fialová 1991 - *Fialová L.* Změny ve vývoji plodnosti v českých zemích za demografické revoluce // Historická demografie. 1991. Vol. 15. P. 143–189.

Hubert 2015 - *Hubert S.* The Impact of Religiosity on Fertility. A comparative Analysis of France, Hungary, Norway, and Germany. Bochum: Springer VS, 2015. 283 p.

Hajnal 1953 - *Hajnal J.* Age at Marriage and Proportions Marrying // Population Studies. 1953. Vol. 7 (2). P. 111–136.

Hajnal 1965 - *Hajnal J.* European marriage patterns in perspective // Population in history: essays in historical demography / Eds. D.V. Glass, D.E. Eversley. Chicago, Illinois: Aldine Publishing Company, 1965. P. 101–143.

Hajnal 1982 - *Hajnal J.* Two Kinds of Preindustrial Household Formation System // Population and Development Review. 1982. Vol. 8 (3). P. 449–494.

Kmeť 2014 - *Kmeť M.* K problematike vysťahovalectva zo Slovenska v medzivojnovom období // Migračné procesy Slovenska (1918–1948) / M. Šmigel, P. Tišliar et al. Banská Bystrica: Belianum, 2014. P. 71–85.

Konečný 2010 - *Konečný S.* Migrácia a národnostná štruktúra obyvateľstva Slovenska // Povoynové migrácie a výmena obyvateľstva medzi Československom a Maďarskom / Eds. Z. Sáposová, Š. Šutaj. Prešov: UNIVERSUM, 2010. P. 66–77.

Livi-Bacci 1986 - *Livi-Bacci M.* Social-Group Forerunners of Fertility Control in Europe // The Decline of Fertility in Europe / Eds. A. Coale, S.C. Watkins. Princeton, 1986. P. 182–200.

Livi-Bacci 1999 - *Livi-Bacci M.* The Population of Europe: A History. Oxford: Blackwell Publishers, 1999. 213 p.

Marek 2006 - *Marek M.* Cudzie etniká na stredovekom Slovensku. Martin: Matica slovenská, 2006. 520 s.

Orosová 2013 - *Orosová M.* Legislatívna ochrana kultúrneho dedičstva v Československej republike v rokoch 1918–1939 // Muzeológia a kultúrne dedičstvo. 2013. Vol. 2. P. 19–36.

Rothenbacher 2012 - *Rothenbacher F.* The Central and East European Population since 1850. Palgrave Macmillan, 2012. 1511 p.

Syrný 2010 - *Syrný M.* Slovenskí demokrati ,44–48: kapitoly z dejín Demokratickej strany na Slovensku v rokoch 1944–1948. Banská Bystrica: MSNP, 2010. 403 s.

Šídlo, Šprocha 2015 - *Šídlo L., Šprocha B.* Transformace plodnosti Česka a Slovenska v 20. a na začátku 21. století v generační perspektivě // Populačné štúdie Slovenska 7 / Eds. P. Tišliar, T. Šprochová, L. Vargová. Bratislava: Muzeológia a kultúrne dedičstvo, o.z. P. 121–136.

Šmigel, Kruško 2011 - *Šmigel M., Kruško Š.* Opcia a presídlenie Rusínov do ZSSR (1945–1947). Bratislava: Goringa, 2011. 340 s.

Šprocha et al. 2014 - *Šprocha B., Tišliar P., Šmigel M.* Pohyb etník, etnické hranice, etnický priestor na Slovensku v 1. polovici 20. Storočia // Migračné procesy Slovenska (1918–1948) / M. Šmigel, P. Tišliar et al. Banská Bystrica: Belianum, 2014. P. 10–42.

Šprocha, Tišliar 2008a - *Šprocha B., Tišliar P.* Plodnosť a celková reprodukcia obyvateľstva Slovenska v rokoch 1919–1937. Bratislava: STIMUL, 2008. 164 s.

Šprocha, Tišliar 2008b - *Šprocha B., Tišliar P.* Vývoj úmrtnosti na Slovensku v rokoch 1919–1937. Bratislava: STIMUL, 2008. 204 s.

Šprocha, Tišliar 2012 - *Šprocha B., Tišliar P.* Demografický obraz Slovenska v sčítaniach ľudu 1919–1940. Brno: Tribun EU, 2012. 282 s.

Šprocha, Tišliar 2014 a - *Šprocha B., Tišliar P.* Charakter plodnosti na Slovensku v medzivojnovom období // Historická demografie. 2014. Vol. 38 (1). P. 77–112.

Šprocha, Tišliar 2014 b - *Šprocha B., Tišliar P.* The Demographics of the Jewish Population of Slovakia between the Two World Wars // Judaica Bohemiae. 2014. Vol. XLIX (2). P. 5–44.

Šprocha, Tišliar 2015 - *Šprocha B., Tišliar P.* The Fertility of Women in the Primary Sector in Slovakia According to Censuses Conducted Between 1900 and 2001 years // Bylye Gody. 2015. Vol. 37 (3). P. 650–662.

Tišliar 2007 - *Tišliar P.* Mimoriadne sčítanie ľudu na Slovensku z roku 1919: Príspevok k populačným dejinám Slovenska. Bratislava: Statis, 2007. 132 s.

Tišliar 2014 - *Tišliar P.* Formy organizovania vysťahovalectva zo Slovenska po vzniku Československej republiky // Migračné procesy Slovenska (1918–1948) / M. Šmigel, P. Tišliar et al. Banská Bystrica: Belianum, 2014. P. 56–71.

Tišliar 2015a - *Tišliar P.* Transformácia plodnosti na Slovensku v 19. a 20. storočí (teoretické a metodologické východiská z pohľadu historickej demografie) // Slovenská štatistika a demografia. 2/2015. P. 3–13.

Tišliar 2015b - *Tišliar P.* Cesta k prvému úradnému lexikónu sídel na Slovensku // Muzeológia a kultúrne dedičstvo. 2015. Vol. 1. P. 51–62.

Ulašínová 2014 - *Ulašínová L.* Diskontinuita vo vidieckej stavebnej kultúre // Muzeológia a kultúrne dedičstvo. 2014. Vol. 2. P. 49–65.

Varsik 1984 - Varsik B. Z osídlenia západného a stredného Slovenska v stredoveku. Bratislava: VEDA, 1984. 256 s.

Vobecká 2013 - Vobecká J. Demographic Avant-garde: Jews in Bohemia between Enlightenment and Shoah. Budapest; New York: Central European University Press, 2013. 250 p.

Vereš 1983 - Vereš P. Vývoj plodnosti na Slovensku v letech 1880–1910 // Demografie. 1983. Vol. 25 (3). P. 203–208.

Vereš 1986 - Vereš P. Regionální vývoj plodnosti na Slovensku v letech 1910–1980 // Demografie. 1986. Vol. 28 (2). P. 110–117.

REFERENCES

Botík, J. (2007) *Etnická história Slovenska. K problematike etnicity, etnickej identity, multietnického Slovenska a zahraničných Slovákov* [Ethnic history of Slovakia: To the issue of ethnicity, ethnic identity, multiethnic Slovakia and foreign Slovaks]. Bratislava: Lúč.

Coale, A. (1973) The demographic transition. *International Population Conference*. 1. pp. 53–72.

Derosas, R. & Poppel van, F. (eds) (2006) *Religion and the Decline of Fertility in the Western World*. Dordrecht: Springer.

Fialová, L., Pavlík, Z. & Vereš, P. (1990) Fertility Decline in Czechoslovakia During the Last Two Centuries. *Population Studies*. 44(1). pp. 89–106. DOI: 10.1080/0032472031000144396

Fialová, L. (1991) Změny ve vývoji plodnosti v českých zemích za demografické revoluce [Changes in the development of fertility in the Czech lands during demographic revolution]. *Historická demografie*. 15. pp.143–189.

Hubert, S. (2015) *The Impact of Religiosity on Fertility. A comparative Analysis of France, Hungary, Norway, and Germany*. Bochum: Springer VS.

Hajnal, J. (1953) Age at Marriage and Proportions Marrying. *Population Studies*. 7(2). pp. 111–136.

Hajnal, J. (1965) European marriage patterns in perspective. In: Glass, D.V. & Eversley, D.E. (eds) *Population in history: essays in historical demography*. Chicago, Illinois: Aldine Publishing Company. pp. 101–143.

Hajnal, J. (1982) Two Kinds of Preindustrial Household Formation System. *Population and Development Review*. 8(3). pp. 449–494. DOI: 10.2307/1972376

Kmet, M. (2014) K problematike vysťahovalectva zo Slovenska v medzivojnovom období [The issue of emigration from Slovakia in the interwar years]. In: Šmigeľ, M., Tišliar, P. et al. *Migračné procesy Slovenska (1918–1948)* [Migration processes in Slovakia (1918–1948)]. Banská Bystrica: Belianum. pp. 71–85.

Konečný, S. (2010) Migrácia a národnostná štruktúra obyvateľstva Slovenska [Migration and ethnic structure of Slovakian population]. In: Sáposová, Z. & Šutaj, Š. (eds) *Povojnové migrácie a výmena obyvateľstva medzi Československom a Maďarskom* [Post-war migration and population exchange between Czechoslovakia and Hungary]. Prešov: UNIVERSUM. pp. 66–77.

Livi-Bacci, M. (1986) Social-Group Forerunners of Fertility Control in Europe. In: Coale, A. & Watkins, S.C. (eds) *The Decline of Fertility in Europe*. Princeton: Princeton University Press. pp. 182–200.

Livi-Bacci, M. (1999) *The Population of Europe: A History*. Oxford: Blackwell Publishers.

Marek, M. (2006) *Cudzie etniká na stredovekom Slovensku* [Foreign ethnic group in medieval Slovakia]. Martin: Matica slovenská.

Orosová, M. (2013) Legislatívna ochrana kultúrneho dedičstva v Československej republike v rokoch 1918–1939 [Legislative protection of cultural heritage in Czechoslovakia in 1918–1939]. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*. 2. pp. 19–36.

Rothenbacher, F. (2012) *The Central and East European Population since 1850*. Palgrave Macmillan.

Syrný, M. (2010) *Slovenskí demokrati '44-48 : kapitoly z dejín Demokratickej strany na Slovensku v rokoch 1944-1948* [Slovak Democrats '44-48: The History of the Democratic Party in Slovakia in 1944–1948]. Banská Bystrica: MSNP.

Šídlo, L. & Šprocha, B. (2015) Transformace plodnosti Česka a Slovenska v 20. a na začátku 21. století v generační perspektivě [Transformation of fertility in the Czech Republic and Slovakia in the 20th and early 21st century in generational perspective]. In: Tišliar, P., Šprochová, T. & Vargová, L. (eds) *Populačné štúdie Slovenska* [Population Studies in Slovakia]. Vol. 7. Bratislava: Muzeológia a kultúrne dedičstvo, o.z. pp. 121–136.

Šmige, M. & Kruško, Š. (2011) *Opcia a presídlenie Rusínov do ZSSR (1945–1947)* [Option and resettlement of the Ruthenians to the USSR (1945–1947)]. Bratislava: Goralinga.

Šprocha, B., Tišliar, P. & Šmige, M. (2014) Pohyb etník, etnické hranice, etnický priestor na Slovensku v 1. polovici 20. storočia [The movement of ethnic groups, ethnical borders, ethnic area in Slovakia in the first half of the 20th century]. In: Šmige, M., Tišliar, P. et al. *Migračné procesy Slovenska (1918–1948)* [Migration processes in Slovakia (1918–1948)]. Banská Bystrica: Belianum. pp. 10–42.

Šprocha, B., Tišliar, P. (2008) *Plodnosť a celková reprodukcia obyvateľstva Slovenska v rokoch 1919–1937* [Fertility and aggregate reproduction of population in Slovakia between 1919 and 1937]. Bratislava: STIMUL.

Šprocha, B. & Tišliar, P. (2008) *Vývoj úmrtnosti na Slovensku v rokoch 1919–1937* [Development of mortality in Slovakia between 1919 and 1937]. Bratislava: STIMUL.

Šprocha, B. & Tišliar, P. (2012) *Demografický obraz Slovenska v sčítaniach ľudu 1919–1940* [A demographic portrait of Slovakia in the censuses from 1919 to 1940]. Brno: Tribun EU.

Šprocha, B. & Tišliar, P. (2014) Charakter plodnosti na Slovensku v medzivojnovom období [The nature of fertility in Slovakia in the interwar years]. *Historická demografie*. 38(1). pp. 77–112.

Šprocha, B. & Tišliar, P. (2014) The Demographics of the Jewish Population of Slovakia between the Two World Wars. *Judaica Bohemiae*. XLIX(2). pp. 5–44.

Šprocha, B. & Tišliar, P. (2015) The fertility of women in the primary sector in Slovakia according to censuses conducted between 1900 and 2001. *Bylye Gody*. 37(3). pp. 650–662.

Tišliar, P. (2007) *Mimoriadne sčítanie ľudu na Slovensku z roku 1919 : Príspevok k populačným dejinám Slovenska* [The 1919 Special Census in Slovakia: A contribution to the population history of Slovakia]. Bratislava: Statis.

Tišliar, P. (2014) Formy organizovania vysťahovalectva zo Slovenska po vzniku Československej republiky [Forms of organized emigration from Slovakia after the Czechoslovak Republic]. In: Šmigel', M., Tišliar, P. et al. *Migračné procesy Slovenska (1918 – 1948)* [Migration processes in Slovakia (1918–1948)]. Banská Bystrica: Belianum. pp. 56–71.

Tišliar, P. (2015) Transformácia plodnosti na Slovensku v 19. a 20. storočí (teoretické a metodologické východiská z pohľadu historickej demografie) [Transformation of fertility in Slovakia in the 19th and 20th centuries (theoretical and methodological assumptions from the view of historical demography)]. *Slovenská štatistika a demografia*. 2. pp. 3–13.

Tišliar, P. (2015) Cesta k prvému úradnému lexikónu sídel na Slovensku [The way to the first official lexicon of settlements in Slovakia]. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*. 1. pp. 51–62.

Ulašínová, L. (2014) Diskontinuita vo vidieckej stavebnej kultúre [Discontinuity in the rural construction culture]. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*. 2. pp. 49–65.

Varsik, B. (1984) *Z osídlenia západného a stredného Slovenska v stredoveku* [To the settlement of Western and Central Slovakia in the Middle Ages]. Bratislava: VEDA.

Vobecká, J. (2013) *Demographic Avant-garde: Jews in Bohemia between Enlightenment and Shoah*. Budapest-New York: Central European University Press.

Vereš, P. (1983) Vývoj plodnosti na Slovensku v letech 1880–1910 [Development of fertility in Slovakia in 1880–1910]. *Demografie*. 25(3). pp. 203–208.

Vereš, P. (1986) Regionální vývoj plodnosti na Slovensku v letech 1910–1980 [Regional development of fertility in Slovakia in 1910–1980]. *Demografie*. 28(2). pp. 110–117.

Шпроха Бранислав – кандидат естественных наук, заведующий Исследовательского демографического центра Института информатики и статистики – ИНФОСТАТ, старший научный сотрудник Центра социальных и психологических наук Словацкой академии наук (Словакия).

Šprocha Branislav - INFOSTAT - Demographic Research Centre; Centre for Social and Psychological Sciences of the Slovak Academy of Sciences (Slovakia).

E-mail: sprocha@infostat.sk

Тышляр Павол – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой этнологии и музеологии философского факультета Университета Коменского (Словакия).

Tišliar Pavol - Comenius University (Slovakia).

E-mail: pavol.tisliar@uniba.sk

Шмигель Михал – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории философского факультета Университета Матея Бела (Словакия).

Šmigel Michal - Matej Bel University (Slovakia).

E-mail: michal.smigel@umb.sk